

хождению относятся к таким прецедентным текстам, которые бесспорно являются духовной сокровищницей каждого европейского народа. Хочется надеяться, что это хотя бы отчасти поможет носителям разных языков (особенно молодежи) более осознанно выразить свое отношение к общему культурному наследию Европы, повысит их культуру речи и – что, может быть, самое главное! – заставит их более вдумчиво использовать языковые единицы, взятые из Библии.

Особо следует отметить, что русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках призван демонстрировать преемственность и общие корни христианской культуры православной и неправославной Европы. Общеευропейские истоки библеизмов могут стать импульсом для активизации изучения самими европейцами европейских языков как иностранных и мощным стимулом для осознания общих для всей современной Европы реалий, слов и духовных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакова, Д. Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова [и др.]. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.
2. Балакова, Д. Лепта библейской мудрости : краткий русско-словацко-немецкий словарь библейских крылатых слов / Д. Балакова, Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Ružomberok ; Greifswald ; Санкт-Петербург : Е. М. А. – Universität, 2012. – 140 с.
3. Балакова, Д. Из библейской мудрости = Z biblickej mudrosti = Biblische Weisheiten : русско-словацко-немецкий словарь библеизмов / Д. Балакова, Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Greifswald : Е. М. А. – Universität, 2015. – 344 S.

С. В. Паремская (Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗООНИМОМ *СВИНЬЯ* В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Одной из самых многочисленных и внутренне разнообразных групп фразеологического состава немецкого и русского языков являются фразеологические единицы с зоонимами. Они отражают многовековые наблюдения человека за внешним видом и повадками животных, передают отношение людей к их «меньшим братьям» и относятся к культурно-информационному фонду в каждом языке.

Совокупность представлений немецкого и русского народов о действительности складывалась в зависимости от разных факторов: условий их существования, традиций и т.п. Это легко проследить на примере фразео-

логических единиц, содержащих в себе зооним *свинья*. В обеих культурах свинья с давних пор являлась традиционным домашним животным, мясо которого составляло важную часть рациона обоих народов. При этом в одном и другом языках довольно много фразеологических единиц, содержащих в себе зооним *свинья*.

По признаку мотивированности фразеологических единиц с зоонимом *свинья* между немецким языком и русским наблюдаются некоторые расхождения. Так, в немецком языке идиома *Schwein haben*, дословный перевод которой 'иметь свинью', обозначает, что кому-то в чем-то очень повезло. Это связано с тем, что в средневековье на праздничных соревнованиях проигравшему в качестве утешительного подарка вручали живого поросенка. Точно также выражение *das Schwein am Schwanz haben* означает 'поймать свинью за хвост', т.е. опять же удачу. В русских пословицах с зоонимом *свинья* такая мотивированность не прослеживается.

По признаку способа наименования между фразеологическими единицами обнаруживается сходство: и в том и другом языке человека приравнивают к животному. Например, немцы говорят о пьяном вдрызг, в дым, в стельку человеку *besoffen wie ein Schwein* 'пьяный как свинья'. А у русских в ходу аналогичное выражение *нажрался как свинья*. При этом словарь В. И. Даля не фиксирует переносных значений у имени существительного *свинья*. В других же словарях такие значения представлены. Например, в словаре Д. Н. Ушакова [1, с. 912] дается такое переносное значение слова *свинья*: «грязный, неопрятный человек, неряха». В словаре С. И. Ожегова [2, с. 703] мы находим следующее пояснение к этому слову: «о том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе».

По признаку субъективной экспрессивности [3, с. 96] русские пословицы имеют отрицательную направленность. Их использование в речи обозначает негативное отношение окружающих к лицу, о котором говорят. При этом часть русских пословиц отражает нечистоплотность свиньи: *Свинья грязи найдет; Наряди свинью в серьги, а она в навоз, Была у свинки золотая щетинка, да в грязи завалилась*. Это представление о свинье мотивировано условиями содержания данного домашнего животного в грязном, нечистом хлеву. Другая часть русских пословиц с зоонимом *свинья* отражает представление об этом животном как о наглom и неблагодарном создании: *Свинья только рыло сунет и вся пролезет; Посади свинью за стол, она и ноги на стол; Свинья рожь везде вхожа*. В русских пословицах фиксируется и, скорее мнимая, тупость этого животного, например: *У богатого гумна и свинья умна*. Отдельные пословицы русского языка подчеркивают негативную оценку окружающими не только поведения, но и внешнего вида этого животного: *Свинья только рыло сунет, и вся пролезет; Со свиным рылом в калашный ряд; Свинья и в золотом ошейнике все свинья*.

Таким образом, анализ фразеологических единиц немецкого и русского языков с зоонимом *свинья* позволяет сделать вывод о том, что представления обоих народов о действительности в немецком и русском языках имеют

много общего: в обеих культурах неряшливый, невежественный и недостойный человек часто ассоциируется со свиньей. И вместе с тем наблюдаются различия: зооним *свинья* используется в отдельных фразеологизмах немецкого языка с положительной эмоциональной окраской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Шведова Н. Ю. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
3. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков) // В. Г. Гак. – М. : Междунар. отн., 1977 – 264 с.

Ю. А. Петрушэўская (Магілёў, Беларусь)

ДА ПРАБЛЕМЫ РАЗМЕЖАВАННЯ ЎНІВЕРСАЛЬНАГА І ІНТЭРНАЦЫЯНАЛЬНАГА Ў ПАРЭМІЯЛАГІЧНЫМ ФОНДЗЕ МОВЫ

Далека не ўсе прыказкі, якія функцыянуюць у сучаснай беларускай літаратурнай мове і ўспрымаюцца яе носьбітамі (у тым ліку таксама і даследчыкамі) як уласна беларускія і на гэтай падставе інтэрпрэтуюцца як яе яркая нацыянальны кампанент, на самой справе ўжываюцца толькі ў беларускай мове і маюць уласна беларускае паходжанне. Многія прыказкі былі ў розны час запазычаны ў беларускую мову з іншых моў, але набылі ў ей адметныя варыянты, кампаненты, адценні зместу, страцілі сувязь са сваёй мовай-донарам у свядомасці сучасных носьбітаў беларускай мовы. Гэта ж уласціва і іншым мовам свету, у якіх шмат прыказак маюць іншамоўнае паходжанне, але хутка асімілявалі ў мове-рэцыпіенце і, як правіла, не асацыіруюцца ў ей з чужымі мовамі і культурамі. Паводле слоў Х. Вальтэра і В. М. Макіенкі, «вопреки расхожему представлению о густо национальной маркированности идиоматики и паремииологии они – как это ни парадоксально – являются более интернациональными, чем лексика» [1, S. 2].

Задача размежавання нацыянальнага і інтэрнацыянальнага ў беларускай парэміялогіі, як акрэсліў Я. Я. Іваноў у сваім дакладзе на XV Міжнародным з'ездзе славістаў (2013), з'яўляецца адной з актуальных праблем вывучэння афарыстычных адзінак беларускай мовы [2]. Вырашэнне гэтай задачы мае метадалагічную значнасць не толькі ў галіне лінгвістычнай тыпалогіі і ўніверсальнасці (пры параўнанні парэміялагічных сістэм беларускай і іншых моў свету), але таксама і ў лінгвакультуралагічным плане, у прыватнасці пры выяўленні нацыянальна-культурнай семантыкі беларускіх прыказак, у тым ліку пры лінгвадыдактычным забеспячэнні выкладання беларускай мовы і як замежнай (у лінгвакраіназнаўчым плане), і як няроднай ва ўмовах беларуска-рускага білінгвізму (у лінгвакразнаўчым плане) [3].